

Алайна Салах

Американ Босс

Москва
2021

УДК 82-31
ББК 84(2)
С16

Салах, А.

С16 Американ босс / А. Салах. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 302 с. — (Гасославия).

ISBN 978-5-521-92023-5

Когда являешься обладателем квартиры в центре Москвы, пользуешься бешеной популярностью у противоположного пола, занимаешь директорское кресло в преуспевающей фирме и имеешь гражданство США — жизнь прекрасна. По крайней мере так было до тех пор, пока я не согласился взять сексуального голубоглазого оленя на стажировку. Самое тупое решение в моей жизни.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Алайна Салах, текст, 2021
© Э.С., обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-92023-5

1

Тяжелое тело «Боинга-767» мягко шмякается о взлётную полосу, и по салону мгновенно разносится шквал аплодисментов. А ещё говорят, что русские не умеют радоваться. Двадцать с хером лет я летаю на свою вторую родину, и каждый раз в самолете хлопают и улюлюкают, словно старик Меркьюри ожил и в костюме стюардессы исполнил «Богемскую рапсодию».

— Мы русские, с нами Бог, — подмигиваю я своей престарелой соседке по бизнес-классу, которая во время посадки вцепилась своей костлявой витриной от Картье мне в руку и до сих пор не хочет отпускать. Она явно боится летать, потому что большую часть полёта молилась, уткнувшись в карманные псалмы. Я вообще и сам не в восторге от воздушных перемещений, со всеми этими осадками в виде падающих лайнеров, и даже обрадовался, что бабуля попалась набожной. Если ей и правда удастся разжалобить всемогущего чувака сверху, то его милостью и меня зацепит. Сидим-то мы рядом.

Бабуля медленно расцепляет пальцы и, убрав обесцвеченную прядь за ухо, начинает кокетливо мне улыбаться.

— Кстати, я Анята.

На Анюту она ну никак не похожа и даже на тётю Аню с натяжкой. При всех дорогостоящих косметологических инвестициях кричащий полтинник с её лица не срезать. Но так как мама с детства привила мне исключительные манеры, которые подпитываются стаканом крови английских джентльменов по бабкиной линии, я посылаю бабе Анюте вежливую улыбку и скромно представляюсь:

— Максим.

По хищным вспышкам в её подтянутых глазницах вижу, что она собирается и дальше практиковать на мне чары Бабы-яги, но, к счастью, оживший в кармане джинсов мобильный вовремя меня отвлекает.

— Одну минуту, Анята, — я посылаю старухе извиняющуюся улыбку и, бросив взгляд на экран, провожу пальцем по широкой улыбке своего бати.

— Ты и твой прибор приземлились в сохранности, сын? — раздаётся насмешливая американская речь в трубке.

И пусть я давно не ребёнок, приятно, что батя продолжает беспокоиться обо мне. Он у меня мировой мужик.

— Мы оба в порядке, пап, — отвечаю ему в тон на английском. — Ещё пара минут, и будем топтать московскую землю.

— Ты у меня на заднем сиденье мешок с оптовой партией презервативов оставил. Решил забить на ай-тишные технологии и заняться контрабандой резины?

— Безопасность превыше всего, пап, — ухмыляюсь я, разглядывая носы своих номерных джорданов. Да, с гондонами лажа вышла. — Маме только не показывай.

— Ладно, — великодушно объявляет отец. — Набери, как будешь дома. Всем привет передавай.

— И деду? — спрашиваю с усмешкой, зная об их многолетней мужской привязанности друг к другу. Их беседы за общим обеденным столом во время родительских визитов в Россию — лучшие рэп-батлы, что я видел.

— Деда обними так, чтобы у него позвоночник хрустнул, — незамедлительно отзывается отец.

— Конечно, пап. Скажи маме «хай» от меня и столы.

Повесив трубку, возвращаю взгляд к престарелой кокетке, которая вжалась в кресло и теперь смотрит на меня с подозрением. Снова этот взгляд. Нет, бабуля, я не агент Госдепа, прилетевший с целью посеять хаос в рядах мировой державы. Просто двадцать три года назад одна коренная москвичка и не менее коренной житель Нью-Йорка пали жертвами неземной любви с первого взгляда, поженились, и на свет появился я, двухметровый красавчик, одинаково владеющий русским и английским наречием. Макс Леджер, верноподданный России и США, к вашим старушечьим услугам.

Небольшая ремарка: автор не считает прекрасный возраст 50 — старушечьим. Здесь речь идёт о тридцатилетней разнице в возрасте между ГГ и флиртующей соседкой.

2

— Ну вылитый папаша, — ворчит дед, вылезая с заднего сиденья своего «Гелендвагена». — Аж глаз дёргаться начинает. Ладно хоть ростом в меня пошёл.

Вообще-то баскетбольным ростом я тоже пошёл в отца, но вслух об этом не скажу, чтобы пощадить тщеславные седины Игоря Жданова. Характер у старика, конечно, сучий, но меня он обожает.

— Слава России, дед Игорь! — Я игнорирую протянутую руку и стискиваю его в родственных объятиях. — Никак в криокамере спишь. Двадцать лет знакомы, а ты всё как Нео замороженный.

Расцепив приветствие, мы по очереди ныряем в прохладный салон штутгартского автопрома, и дед делает царственный жест рукой, понукая извозчика трогать.

— В гости заедешь? — спрашивает дед, когда мы, покинув парковку Шереметьево, выезжаем на оживлённую трассу. — С бабкой твоей новой познакомлю.

Меньше полугода назад дед женился в третий раз, и его избранницей стала сорокалетняя молодуха. Седина в бороду, как говорится, но я за родственника рад. Здоровья в нём побольше, чем во многих моих нью-йоркских приятелях, так что пусть развлекается. Не удивлюсь, если ещё и папашей в ближайшее время станет.

— Не, дед. — Я подхватываю торчащий из подлокотника боржом и, открутив крышку, делаю жадный глоток. Вещь. — Давай я завтра заеду. Сегодня дома хочу поваляться и телик повтыкать.

— Ещё скажи, что у тебя там цветы на подоконниках не политы, — фыркает тот. — Лет тебе сколько? Год на родине не был, а всё задницу поскорее на диван пристроить хочет. Москва — это тебе не Америка твоя вялая. Здесь жизнь бьёт ключом.

А вот и сучий характер вкупе с национализмом. Дед — ярый русофил и американофоб, и то, что его единственная дочь, то бишь моя мама, двадцать два года замужем за американцем, ничуть положения не спасает.

Разумеется, я не собираюсь валяться на диване и втыкать местное зомби-ТВ. Я по прилёте предусмотрительно селфи с геолокацией в инсту запулил, и теперь мой телефон разрывается от невинных девичьих «С приездом, Максим» до членодробительного «Помнишь, я обещала, что разрешу в задницу». Короче, планов на вечер — хоть отбавляй, а я до жути соскучился по московским красавицам. Всё-таки русские девчонки — это топчик. Если дома в Нью-Йорке нужно скрупулёзно подходить к выбору объекта для спаривания, то центровая Москва — это витрина элитной кондитерской, где можно тыкать пальцем в первое попавшееся пирожное и знать, что не прогадаешь. Такие экземпляры встречаются, что голливудские примадонны на их фоне ущербными крокодилицами кажутся. В общем, мой Макс-Джуниор — стопроцентный русский патриот. И это ещё одно качество, которым я пошёл в отца.

— Завтра с цветами приеду челом бить, дед. Мне ещё на фирму нужно заскочить и веселых пендалей раздать, чтобы сотрудники не расслаблялись.

Это, собственно, одна из причин, почему каждое лето после учёбы я приезжаю в Москву. Прохожу своеобразную стажировку в рашн-филиале компьютерной фирмы отца. Ну, как стажировку. Вообще-то я и есть босс: кожаное кресло, крутой кабинет, ворох подчинённых и приёмная в комплекте с аппетитной секретаршей Алёной, которая третье лето подряд недвусмысленно намекает, что не прочь расширить сферу своих секретарских обязанностей и лихо подмахнуть мне на столе. И пусть сиськи у неё что надо, но я и мой Макс-младший — дуэт с принципами: ни к чему мешать работу с удовольствием. Отец должен мной гордиться.

— Правильно, — одобрительно кивает дед. — Не хер лентяям давать расслабляться. Хозяйский пендаль лишним не...

Он не успевает договорить, потому что гелик так резко тормозит посреди дороги, что мы едва не бьёмся носами в передние кресла, после чего тонированные стёкла моментально сотрясаются грозным гарканьем.

— Миша, мне нового водителя искать, что ли?! Ты ослеп никак? Не видишь, тут корова в сарафане в Пятёрочку за сосисками по акции торопится? Так спешит, что жопой своей капот мне память готова. Светофор же не для неё красным по белому горит.

Дедовский шофер Михаил — дядька-кремень. У него на ор либо иммунитет выработался, либо он глухонемой. Я за два года так и не понял.

— Дело у меня к тебе есть, Максим, — уже более спокойно говорит дед, когда мы выруливаем на родную Спиридоновку. — У Любы моей дочь в МГУ гранит науки грызёт третий год. Ей практика на лето

нужна. Взял бы сам... — тут он брезгливо кривит рот, словно унюхал что-то несвежее, — да баб у себя в офисе на дух не переношу. Пусть лучше с твоими мышами компьютерными постажируется.

Вообще-то я цыпочек на работе тоже не слишком жалую. С мужиками как-то проще, что ли. Алёну-то нанял в качестве красивой феньки на ресепшен, ну и чтобы не заподозрили в дискриминации по половому признаку. Хотя Раша этим особо не грешит. Это у нас в Америке нужно тщательно следить, чтобы чёрных, геев, инвалидов и женщин было поровну. Чуть не досчитаются — и полетят тебе на голову яйца общественного порицания.

Но деду я, конечно, отказать не могу. Он меня редко о чём-то просит. Вернее, не просит вообще.

— Пусть приходит в понедельник к восьми. Отстажирую, как следует.

— Я тебе, на хрен, отстажирую! — рявкает дед так громко, что у меня на пару секунд закладывает уши. — Пальцем не смей трогать её, плейбой заграничный. Не посмотрю, что ты мой наследник — ноги твои долговязые вместе с кроссовками вырву. Она родственница твоя, понял? Тётя, можно сказать, младшая.

Терпеливо дожидаясь, пока дед перестанет орать, и, успокаивающе хлопнув его по плечу, поясняю:

— Я персонал не е... Не трогаю. Так что за честь моей так называемой тёти вы с новой бабулей можете точно не волноваться. Имя-то у родственницы есть?

— А сам как думаешь? — ворчливо откликается дед. — Ника её зовут. Ивлеева.

Ни-ка. Милое имечко.

3

— Доброе утро, Максим, — жеманное контральто Алёны рассекает воздух приёмной одновременно с подпрыгнувшими из-за стойки четвёрками. Которые теперь почему-то выглядят пятёрками. Апгрейд она, что ли, произвела? — Я так рада тебя видеть.

— Привет, Алён, — я целомудренно подмигиваю секретарше и вручаю дьюти-фришный пакет со склянкой парфюма. С нотками фрезии, бергамота и бла-бла-бла. Я, как летняя версия Санты, всегда приезжаю в Россию с мешком подарков. Правда, вместо оленей с санями у меня под задницей чёрный «Кама-ро». И не бомжацкая трёхлитровая версия для понто-резов, а мужицкая шесть и два.

Алёна быстро ныряет носом с пакет и, выдохнув чересчур восхищённое «О-о-о», с размаху врзается в меня упругими телесами.

— Подарок просто супер, Макс, — с придыханием щекочет мне ухо. — Могу ли я тебя отблагодарить?

Её попытка номер сто пять стать услужливой дыркой для босса.

— Можешь, конечно. Сваргань кофейку, малыш. — Я с трудом отлепляю от себя крупнокалиберные присоски и одариваю стремительно вянущее лицо Алёны утешительной улыбкой. — Он у тебя на пять с плюсом выходит.